

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НАВСЕГДА

1. Театр Поэзии

Должен честно (и с удовольствием!) признаться: я вырос на Великой Русской Поэзии и остался с ней в сердце пожизненно! Это началось ещё в моей молодости, в 60-е годы прошлого века, которые были буквально «пропитаны» поэзией. Помню, ко мне в руки попали какие-то листки с едва различимыми строчками (наверное, 10-й экз. под копирку). Фамилия автора была мне незнакома, из нескольких строк предисловия было лишь ясно, что это молодой 20-летний парень, мой тогдашний ровесник. Но когда я наконец, чуть ли не в ультрафиолетовых лучах, сумел разобрать блёклые буквы — я был потрясён. Это были какие-то... наркотические строки! Это было невыносимо прекрасно!

Рождественский романс (отрывок)

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих...
Плывёт во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на жёлтой лестнице печальной,
плывёт в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льётся мёд огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несёт Сочельник
над головою...

Теперь имя Иосифа Бродского широко известно всему читающему миру...

Интересно, что именно поэзия подвигла меня к мыслям о Боге, к которому я был в те советские времена вполне равнодушен, пока не прочел четверостишие Д. Мережковского и не задумался о его смысле:

**О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...**

Позднее я организовал в Донецке (Украина) самодеятельный Театр поэзии «Глагол» (это из пушкинского «Глаголом жги сердца людей»). Хотя театр наш был аматорским, но всё равно все наши спектакли принимала какая-нибудь тупая парткомиссия. Она-то и выяснила очень быстро, что поэзию для инсценировок мы подбирали «неправильную».

Буклет нашего Театра поэзии

(на рисунке мы изобразили «сердце, выжженное глаголом»!)

Например, в спектакле «Глаголом жги» наши актёры кричали в лицо опупевшей комиссии:

Паситесь, мирные народы,
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы? —
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды —
Ярмо с гремушками да бич!

Или ещё «крамольнее»:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперстники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд.

А на ИХ (т. е. этих самых «наперстников разврата»!) хоровой возмущенный вопль «Не пущать!» — мы невинно возражали: «Как же-с-с не пущать-то, это ведь Пушкин-с, это ведь Лермонтов-с!» — и ОНИ отвязывались.

У меня есть одно яркое воспоминание, связанное с **Пушкиным и его «Евгением Онегиным»** (а также с выдающимся советским литературоведом Ю. Лотманом). Листая впервые томик работ Лотмана, я неожиданно наткнулся на анализ «школьного» четверостишия Пушкина из «Евгения Онегина»:

**Зима! Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь.**

Хорошо знакомые с детства строки Пушкина никогда не вызывали у меня никаких вопросов. У Лотмана вызвали. Почему крестьянин «торжествует», а не просто, например, радуется? Почему он «обновляет путь», куда этот путь делся? Почему его лошадь снег «чуяет», а не видит? Почему она не может нормально идти, почему «плетётся... как-нибудь»? Лотман разъясняет: а) крестьянин торжествует потому, что выпавший снег «утеплил» поля, и озимые посевы не вымерзнут; б) обновляет он путь потому, что глубокий снег полностью занёс просёлочные дороги (это вам не современный город); в) лошадка снег только чуяет и бежит как попало потому, что от первого белейшего деревенского снега она временно слепнет, и ей на глаза надевают кожаные шоры. И всё это означает, что Пушкин — не только великий мастер языка, рифмы, образа и т. Д., но что в его поэзии нет ни одного СЛУЧАЙНОГО слова. Вот что такое, братцы, настоящий гений!

Кстати, «тогдашний» император Николай Первый явно благоволил к Пушкину, прощал ему оскорбительные эпиграммы, простил периодические контакты с декабристами, грубо выдворил из России Геккернов (не только приемного сына Дантеса – убийцу Пушкина, но и папу-посла), рискуя испортить отношения с Голландией, лично посетил (!) Наталью Николаевну, оставшуюся вдовой с 4-мя детьми и назначил ей достойный пенсион, покрыл из царской казны чудовищные денежные долги поэта и даже профинансировал из той же казны первое полное собрание сочинений А.С. Пушкина. А вот Лермонтова царь не любил, «На смерть поэта» привели его в крайнее раздражение, и Лермонтов был фактически сослан. Вот почему так? – Некоторые «злые пушкиноведческие языки» транслируют версию, что истинным ухажером Натальи Гончаровой-Пушкиной был вовсе не Дантес (он был лишь «прикрытием»), а сам царь Николай... Ну, не знаю...

И еще немного о Лермонтове. Но не о его общеизвестном скверном характере (он был низкорослым, кривоногим, некрасивым и злым молодым человеком; отличался большой физической силой - мог согнуть кочергу), а о том, что Лермонтов был гений. Супер-гений. И это было очевидно всем его просвещённым современникам. Кроме выдающихся достижений в литературе – поэзии, прозе, драматургии (и это всего лишь к 27-ми годам!), он замечательно рисовал – ему предсказывали большое будущее как художнику; он был щедро одарён музыкально – прекрасно играл на скрипке, фортепиано, флейте, сочинял музыку на свои стихи, хорошо пел. Кроме того, он свободно читал и говорил на четырех языках. Лев Толстой написал о Лермонтове: «Если бы этот мальчик остался жить, не нужны были бы ни я, ни Достоевский». Так-то...

Вообще, талант поэта — он от Бога и только от Него! («Талант словно прыщ на носу — или вскочил, или нет» — Фаина Раневская). В когда-то очень популярной кинокомедии «Операция «Ы!» знаменитый киноактер Юрий Никулин поёт «блатную» песню «Постой, паровоз, не стучите, колёса». У этой песни, представьте, есть автор — Николай Иванович. После того как в 14 лет Колю эвакуировали из блокадного Ленинграда, он провёл в колонии

11 лет за воровство и неоднократные побеги. Образование у него на тот момент было — 5 (пять!) классов. Но был у него уже тогда несомненный талант поэта. Потому что, кроме дюжины блатных песен (весьма, кстати, популярных среди зэков), у него ещё была тетрадка стихов. И когда она попала в руки издателей — они были поражены. Вот восемь его строчек о блокадном Ленинграде:

Приуныли голуби,
Голуби блокадные,
Замерзали голуби
И на землю падали.
Почему ж вы, мальчики,
Хлеб им не бросали? —
Потому что мальчики
Умирали сами...

Попробуйте-ка, господа члены Союза писателей, доктора филологических наук, лауреаты литературных Госпремий, Букеровские номинанты – написать несколько строчек из простых слов да с простыми рифмами — но таких, чтоб душу выворачивало!..

Однако вернёмся к нашему Театру поэзии. Ещё больший стресс ожидал парткомиссию на спектакле по советской поэзии. Под яростную пантомиму мы нараспев декламировали уже знаменитого тогда молодого Вознесенского:

Вам, Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молнией заживо
испепелял талант.
Ваш молот не колонны
и статуи тесал —
сбивал со лбов короны,
и троны сотрясал.
Художник первородный —
всегда трибун.
В нем дух переворота
и вечно — бунт!

На спектакле «Памятник» (по военной поэзии) наши девчонки пели на сцене со слезами на глазах и в голосе страшную своей правдой песню «Реквием по забытой роте» («кощунственную» - по мнению парткомиссии) *(автор точно не известен, теперь говорят, это был молодой поэт Ю. Михайлик)*:

Эта рота, эта рота,
Кто привел ее сюда,
Кто положил ее под снег?—
Эта рота не проснется по весне.
Эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали, и она пошла назад.
Эту роту, в сорок третьем, расстрелял заград-отряд.
И покуда эта рота умирала —
Землю грызла, лед глотала, кровью харкала в снегу —
Пожурили боевого генерала
И сказали, что теперь он перед Родиной в долгу.

Генералы все долги свои отдали,
 И медали понадели, и на пенсии давно.
 Генералы мирно бродят городами,
 И не помнят этой роты, и не помнят ничего.
 И лежит она повзводно, повзводно,
 С лейтенантами в строю и с капитаном во главе,
 И лежит она – подснежно, подлёдно,
 И подснежники цветут у старшины на голове.
 Лежат они все двести,
 глазницами в рассвет,
 А им – всем вместе –
 четыре тыщи лет.

В конце концов терпение У НИХ лопнуло — и наш «Глагол» закрыли...

Что ж, нам с нашим неприятием «руководящей роли КПСС», было с кого брать пример!
 Разве не символично, что на прямой вызов Иосифу Сталину, этому серийному убийце с его
 «жирными пальцами» – решился не какой-нибудь тогдашний топ-политик или бравый
 генерал, а «интеллигентик» (и гений поэзии!) Осип Мандельштам. Быть пассивной жертвой
 колеса истории Мандельштам не захотел, и его великая поэзия стала поэзией вызова:

За гремучую доблесть грядущих веков,
 За высокое племя людей
 Я лишился и чаши на пире отцов,
 И веселья, и чести своей.
 Мне на плечи кидается век-волкодав,
 Но не волк я по крови своей:
 Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
 Жаркой шубы сибирских степей...
 Чтоб не видеть ни трусов, ни подлой грязи,
 Ни кровавых костей в колесе;
 Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
 Мне в своей первобытной красе.
 Уведи меня в ночь, где течет Енисей
 И сосна до звезды достает,
 Потому что не волк я по крови своей
 И меня только равный убьет.

Мой папа в Донецке (он был архитектором) вместе работал и тесно дружил с коллегой-
 архитектором Аликом Левитанским. Позже Левитанские переехали в Москву, а я, когда бывал
 там, всегда останавливался в их квартире на Соколе. Именно там в 1970-м году дядя Алик
 похвастался книжкой стихов «Кинематограф» своего брата Юры, и именно тогда я навсегда
 влюбился в блистательную поэзию Ю. Левитанского:

Каждый выбирает для себя
 женщину, религию, дорогу.
 Дьяволу служить или Пророку —
 каждый выбирает для себя.
 Каждый выбирает по себе
 слово для любви и для молитвы.
 Шпагу для дуэли, меч для битвы
 каждый выбирает по себе.

**Каждый выбирает по себе
щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
каждый выбирает по себе.**

(Эти его строки стали чуть ли не «народными»)! А его строки:

**Да, дело моё — это слово моё на листе,
А слово моё — это тело моё на кресте...**

— я сделал для себя «правилом правописания». (Нынешним владельцам ведущих телеканалов и газет в некоторых странах мира неплохо бы повесить эти слова в виде лозунга у себя в кабинетах — может, врать станут меньше?..)

У Карла Юнга есть фраза: «У настоящих художников происходит прорыв из бессознательного творческого импульса помимо их воли. Этот ещё не родившийся акт творчества прокладывает себе путь на бумагу (полотно, нотную тетрадь) как стихийная сила, тайфун, взрыв, не заботясь о здоровье или личном благе автора». И ещё о том же: молодая журналистка, выпросившая интервью у тогда уже знаменитого Пикассо, напыщенно спросила его: «О чём вы думаете, когда пишете свои великие картины?» — «Мадам, когда я рисую — я не думаю, я волнуюсь», — ответил прославленный художник.

И на фоне этих великих и бесстрашных талантов, бывает очень горько видеть, как весьма известные нынешние писатели, журналисты, режиссёры, актёры проходят постыдный путь от «невольника чести» (по М. Лермонтову) до наёмника черни... (*«Такова цена, которую Бог берёт за песню — ты становишься тем, о чём поёшь» — Гёте*).

2. Поэты Войны

Конечно, о Великой Отечественной Войне стихи писали тогда и пишут их поныне. Да, тяжелые военные поражения 1941-го года требовали от писателей и поэтов «патриотически-агитационных» слов (*как писал когда-то Маяковский: «перо сейчас приравнено к штыку»*) Буквально через 2-3 дня после 22 июня в центральных газетах были опубликованы стихи знаменитого советского поэта-песенника **В. Лебедева-Кумача** «Священная война» («Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!»); положенные на музыку не менее знаменитым композитором и дирижером А. Александровым, эти стихи стали для всего СССР общепризнанным гимном защиты Родины.

Однако не только они, но и пронзительная «военная лирика-1941» других известных на то время поэтов также сразу стала знаменитой и облетела все фронты, а потом и всю страну: «Бьётся в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза» - стихотворное послание 43-летнего **А. Суркова** любимой жене, невероятно обаятельной Соне Кревс, написанное во время поездки (ноябрь 41-го) на Западный фронт; или «Жди меня, и я вернусь, только очень жди» - письмо-заклинание 26-летнего **К. Симонова**, адресованное своей красавице-невесте, знаменитой советской актрисе Валентине Серовой (нет, оно не написано на фронте, оно написано в июле 41-го на даче под Москвой, перед отъездом на фронт в качестве корреспондента «Красной Звезды» — ну и что?; а напечатано оно было впервые в «Правде» аж 14 января 1942 г., т.к. «Красная Звезда» в 1941-м отвергла эти стихи...).

Но была и еще одна, «отдельная» Поэзия Войны, **«окопная поэзия»**, страшная своей

жестокой прямоотой, написанная поэтами, воевавшими в пекле на передовой и именно ТАМ ставших поэтами. Большинство из них погибли в боях или умерли от ранений вскоре после войны (а ведь почти все они были на тот момент юношами!), а их имена стали хорошо известны любителям поэзии через много лет после 1945-го года.

Захар Городисский - в 17 лет, приписав себе 1 год, ушел на фронт, в пехоту, был командиром взвода, в июне 1943-го года, во время штурма позиций на Курской дуге получил тяжелые ранения, от которых через неделю скончался в госпитале; ему было 19 лет). Автор короткого и безыскусного, но потрясающего по силе стихотворения:

Если мне смерть повстречается близко
И уложит с собою спать,
Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
В боях не привык отступать.
Что он, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишние 172 сантиметра
Вошли в завоёванный счёт!

Михаил Кульчицкий - командир миномётного взвода, младший лейтенант, погиб в бою в 1943-м году при Харьковской операции; было ему 24 года (*ниже - отрывок*):

Война - совсем не фейерверк,
а просто - трудная работа,
когда, черна от пота, вверх
скользит по пахоте пехота.
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чёботы
весом хлеба в месячный паёк.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино.

Николай Майоров - был политруком пулемётной роты стрелкового полка, погиб в бою под Смоленском в 1943-м г. (возраст - 23 года):

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не всё умрет. Не всё войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Семен Гудзенко - пулемётчик Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). В 1942-м году был тяжело ранен в живот осколками мины. Умер в 1953 г. (31 год) от последствий ранения:

Когда на смерть идут - поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою -
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв - и умирает друг,
и значит смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
за мной одним идет охота...
Будь проклят, сорок первый год,
ты, вмерзшая в снега пехота.
Но мы уже не в силах ждать,
и нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.
Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

Павел Шубин - в годы Великой Отечественной и советско-японской войн служил разведчиком и («по совместительству») фронтовым корреспондентом на разных фронтах, участвовал в многочисленных боевых действиях, за мужество и отвагу награждён орденами Отечественной войны, Красной Звезды и несколькими медалями. Умер в 1950-м г. от последствий ранений (36 лет):

Погоди, дай припомнить... Стой!
Мы кричали "ура". Потом
я свалился в окоп пустой
с развороченным животом.
Где-то плачущий крик "ура"...
Но сошел и отхлынул бой.
Здравствуй, мать-земля, пора! -
Возвращаюсь к тебе тобой.
Ты кровавого праха горсть
от груди своей не отринь;
не как странник и не как гость
шел я в громе твоих пустынь.
Я хозяином шел на смерть, -
сам приученный убивать, -
чтобы верить, любить и сметь,
чтобы лучшить и открывать...
Над рассветной твоей рекой
встанет завтра цветком огня
мальчик бронзовый - вот такой,
как задумала ты меня.
И за то, что последним днём

не умели мы дорожить,
воскреси меня завтра в нём -
я его научу, как жить!

*****

Для многих из тех, кто прошел войну, но сумел в ней выжить - война осталась с ними навсегда; вот они-то и пишут о войне «и поныне»; но это совсем другие стихи, стихи гордости и горечи...

Ю. Левитанский (1922-1996 гг.) - начал войну в звании рядового в частях ОМСБОН, закончил лейтенантом в Манчжурии, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, 7-ю медалями (отрывок):

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я не участвую в войне —
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

Б. Слуцкий (1919-1986 гг.) - начал войну в 1941-м году в звании рядового 60-й стрелковой бригады, а закончил в звании гвардии майора):

Давайте после драки
Помашем кулаками,
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.
Сейчас всё это странно,
Звучит всё это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.
За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мёртвые,
За здоровье живых!

К. Ваншенкин (1925-2012 гг.) - в 1942-м году из десятого класса ушел на фронт, в воздушно-десантные войска; демобилизовался в конце 1946-го года в звании гвардии сержанта (*отрывок*):

**В земле солдат намного больше,
Чем на земле.
Они лежат над Волгой, в Польше -
В кромешной мгле,
Лежат дивизии лихие
И корпуса.
А сверху дали голубые
И небеса.**

ВЕЧНАЯ ВСЕМ ИМ СЛАВА И ПАМЯТЬ!

3. СТИХИ-ЗАВЕЩАНИЯ БОЛЬШИХ ПОЭТОВ

Свои стихи-завещания (или, лучше сказать, заветы) представленные ниже поэты писали при разных обстоятельствах.

Александр Пушкин (1799-1837), блеск и величие русской поэзии, не мог знать заранее час своей смерти, т.к., как известно, погиб на дуэли. Но надо заметить, что Александр Сергеевич был тот еще забияка: до трагической дуэли с Дантесом он 22 (двадцать два!) раза вызывал на дуэли своих действительных и мнимых обидчиков, из них 18 дуэлей были отменены (усилиями секундантов), в двух случаях противники Пушкина стреляли в него, но не попали (а сам Пушкин благородно отказался от ответного выстрела), еще в двух случаях стрелял и Пушкин, но оба раза тоже «промазал» - т.е. дуэлянт из него был никакой... Неудивительно, что у Пушкина есть стихотворение-предчувствие «Я памятник себе воздвиг», написанное в 1836 г., за год до смерти, в котором поразительно передано его ощущение как собственного величия, так и собственной трагедии (ниже - отрывок).

**Я памятник себе воздвиг нерукотворный
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.
Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.**

*****

Борис Пастернак (1890-1960) слыл гением поэзии уже при жизни. На первом съезде советских писателей в 1934 г. Н. Бухарин призывал официально назвать Пастернака лучшим поэтом СССР! Нобелевская премия по литературе 1958 г. за опубликованный на Западе роман «Доктор Живаго» привела к беспрецедентной травле поэта, которую возглавил главный упырь коммунистического Политбюро М. Суслов. Через 2 года выдающегося поэта не стало. Надеюсь, Б. Пастернак сейчас нежится в раю, а гадюка Суслов по сей день пребывает в аду, где варится и варится в котле с кипящей смолой! Завет Пастернака, на мой взгляд, ярче всего выражен в коротком отрывке из его стихотворения «Ночь».

Не спи, не спи, работай,
 Не прерывай труда,
 Не спи, борись с дремотой,
 Как лётчик, как звезда.
 Не спи, не спи, художник,
 Не предавайся сну.
 Ты - вечности заложник
 У времени в плену.

*****

Арсений Тарковский (1907-1989), блистательный, но, я считаю, недостаточно (для своего ярчайшего таланта) популяризированный поэт, отец знаменитого кинорежиссера Андрея Тарковского, прожил долгую жизнь, пережив своего гениального сына, и умер в возрасте 81 год признанным мастером поэзии. Его «литературным заветом» многие литературоведы считают стихи, посвященные А. Ахматовой.

Я кончил книгу и поставил точку
 И рукопись перечитать не смог.
 Судьба моя сгорела между строк,
 Пока душа меняла оболочку.
 Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
 Так соль морей и пыль земных дорог
 Благословляет и клянет пророк,
 На ангелов ходивший в одиночку.
 Я тот, кто жил во времена мои,
 Но не был мной. Я младший из семьи
 Людей и птиц, я пел со всеми вместе
 И не покину пиршества живых -
 Прямой гербовник их семейной чести,
 Прямой словарь их связей корневых.

*****

Возможно, **Ярослав Смеляков** (1913-1972) и не входит в когорту выдающихся поэтов, но свой стих-прощание он написал на высочайшем художественном уровне; он писал это уже в больнице, зная, что умирает от рака, и я должен привести здесь эти блистательные стихи. (Позднее, Юрий Визбор положил эти стихи на музыку, получилась замечательная, пронзительная песня).

Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
 обращусь я к друзьям (не считите, что это в бреду):
 - Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
 в изголовье повесьте упавшую с неба звезду.
 Я шагал напролом, никогда я не слыл недотрогой,
 если ранят меня в справедливых, но грозных боях -
 забинтуйте мне голову русской степною дорогой
 и укройте меня одеялом в весенних цветах.
 Порошков или капель - не надо, поверьте, не надо,
 пусть в стакане блеснут заходящего солнца лучи,
 жаркий ветер пустынь и серебряный дождь водопада -
 вот чем надо лечить, вот чем надо, ребята, лечить.
 От морей и от гор тянет свежестью, веет простором.

Как посмотришь - подумаешь: раз только в мире живем!
 Не больничным от вас ухожу я, друзья, коридором -
 ухожу я от вас этим сказочным Млечным путем ...
 *****

В 1969 г. в издательстве «Посев» (ФРГ) вышла книга «антисоветских» песен **Александра Галича (1918-1977)**. Пошла травля, исключение из СП, запрет на выступления. В 1974 г. Галич был вынужден эмигрировать, но и там активно продолжал свою «антисоветчину». В декабре 1977 г. он погиб в своей квартире в Париже, подключая купленную накануне антенну. Несчастным это случай или «привет от КГБ» - этого никто не знает и поныне... А за день-два до смерти он записал на магнитофон свою, как оказалось, последнюю песню "За чужую печаль".

За чужую печаль и за чье-то незваное детство
 нам воздастся огнем и мечом и позором вранья,
 возвращается боль, потому что ей некуда деться,
 возвращается вечером ветер на круги своя.
 Мы со сцены ушли, но еще продолжается детство,
 наши роли суфлер дочитает, ухмылку тая,
 возвращается вечером ветер на круги своя,
 возвращается боль, потому что ей некуда деться.
 Мы проспали беду, промотали чужое наследство,
 жизнь подходит к концу, и опять начинается детство,
 пахнет мокрой травой и махорочным дымом жилья,
 продолжается детство без нас, продолжается детство,
 продолжается боль, потому что ей некуда деться, в
 озвращается вечером ветер на круги своя.

Но Галич оставил нам еще один очень важный завет – завет НЕМОЛЧАНИЯ, который я обязан упомянуть здесь (*«Старательский вальсок», отрывок*):

Где теперь крикуны и печальники?
 Отшумели и сгнули смолоду...
 А молчальники вышли в начальники,
 Потому что молчание – золото.
 Пусть другие кричат от отчаянья,
 От обиды, от боли, от голода...
 Мы-то знаем – доходней молчание,
 Потому что молчание – золото!
 Вот как просто попасть в богачи,
 Вот как просто попасть в первачи,
 Вот как просто попасть в палачи –
 Промолчи, промолчи, промолчи!
 *****

«Несть пророка в отечестве своем», - сказано в Библии.. А вот и есть! **Булат Окуджава (1924 1997)** – он был Пророком в безбожном СССР! Он призывал нас верить в Любовь, Доброту, Честность, Мудрость. Он был суперзвездой собственного, впоследствии всемирно известного, моно-театра. Буквально каждое стихотворение-песня Б. Окуджавы – это завещание (точнее, завет) нам, его потомкам: «Возьмемся за руки, друзья», «Давайте восклицать», «Надежды маленький оркестрик» и многие другие; я выбрал в качестве его

завета - «Стать богатеем».

Стать богатеем иной норовит -
 золото копит, ночами не спит.
 Не всё то золото, не всё то золото,
 хоть и сверкает и даже звенит.
 Можно театр позолотой покрыть,
 можно коврами весь пол устелить.
 Но вдохновенье для представленья
 разве возможно за деньги купить?!
 Можно построить из вымысла дом,
 Даже устроить праздники в нем.
 Но не построишь и не устроишь
 счастье твое на несчастье чужом.
 Вилами глупо писать по воде.
 Друг дорогой познается в беде.
 И примечательно, то замечательно,
 что без любви нету жизни нигде.
 Чистое сердце в дорогу готовь,
 древняя мудрость сгодится и вновь:
 Не покупаются, не покупаются -
 доброе имя, талант и любовь.

*****

Хотя **Иосиф Бродский** (1940-1996) был почти одного поколения с Евтушенко-Вознесенским (младше их на 7-8 лет) – именно Бродского советская власть ненавидела лютой ненавистью. В ноябре 1963-го года в газете «Вечерний Ленинград» появилась (с подачи КГБ, разумеется!) статья «Окололитературный трутень». Авторы статьи клеймили Бродского за «паразитический образ жизни». В январе 1964-го года Бродского арестовали по обвинению в тунеядстве. Когда на вопрос судьи: «А какая ваша специальность?», он ответил «Поэт», а на вопрос: «А кто это признал, что вы поэт?», он ответил: «Я думаю, это... от Бога» - его направили на психиатрическую экспертизу (ну а как же, ведь только полный псих может не понимать, что поэтом можно быть только «от ЦК КПСС»!), а потом впяли 5 лет «принудработ» за «тунеядство». Но на Западе его стихи пользовались огромной популярностью, и в 1971 году он был избран членом Баварской Академии изящных искусств. В 1972 г. (ему было 32 года) КГБ выжил его из СССР. А вот свой стих-завещание «Стансы г. Петрограду» (ниже - отрывок) Бродский написал в возрасте... 22 года (!), остро и точно предчувствуя свою судьбу!

Пусть меня отпоёт
 хор воды и небес; и гранит
 пусть обнимет меня,
 пусть поглотит,
 мой шаг вспоминая,
 пусть меня отпоёт,
 пусть меня, беглеца, осенит
 белой ночью твоя
 неподвижная слава земная.
 Все умолкнет вокруг.
 Только черный буксир закричит
 посредине реки,
 иступленно борясь с темнотою,

и летящая ночь
эту бедную жизнь обручит
с красотой твоей
и с посмертной моей правотой.

Ныне «посмертная правота» Нобелевского лауреата И. Бродского очевидна всему читающему миру.

*****

Я считаю **Ю. Левитанского** выдающимся русским поэтом XX века, поэтом, стоящим рядом с двумя Нобелевскими лауреатами - Б. Пастернаком и И. Бродским (чего стоят хотя бы его невероятный цикл «Сны»: Сон о рояле, Сон о дороге, Сон о забытой роли, Сон об уходящем поезде!..). Художественный мир всех троих – вселенских масштабов. Из их неповторимых ритмов и рифм, слов и строк, из того таинственного ВОЗДУХА ПОЭЗИИ, который у них, как и у каждого великого поэта обязательно имеется МЕЖДУ СТРОК – из всего этого возникает магнитное поле такой неистовой силы, что оно неотвратимо затягивает тебя и делает своей частицей. Левитанский не был бунтарем, просто он был порядочным и неравнодушным человеком; невзирая ни на какие неприятности, он подписал десяток писем в защиту диссидентов, после чего его каждый раз переставали публиковать и закрывали возможность встреч с читателями, погружая выдающегося поэта в унижительную нищету (а ведь он был отцом троих детей!). И когда пришел час его прощания с нами, это были прощальные слова большого поэта!

Юрий Левитанский (1922-1996):

За то, что жил да был, за то, что ел да пил,
за всё внося, как все, согласно общей смете,
я разве не платил за пребыванье здесь,
за то, что я гостил у вас на белом свете?
За то, что был сюда поставлен на постой
случайностью простой и вовсе не по благу,
я разве не вносил со всеми наравне
предписанную мне пожизненную плату?
Спасибо всем за всё, спасибо вам и вам,
радевшим обо мне и мной повелевавшим,
хотя при всем при том я думаю, что я
не злоупотребил гостеприимством вашим.
Осталось всё про всё почти что ничего.
Прощальный свет звезды, немислимо далекой.
Почти что ничего, всего-то пустяки —
немного помолчать, присев перед дорогой.
Я вас не задержу. Да-да, я уйду.
Спасибо всем за всё. Счастливо оставаться.
Хотя, признаться, я и не предполагал,
что с вами будет мне так трудно расставаться.

*****

4. Поэзия Любви

Парфразируя известную поговорку, любви покорны не только «все возрасты», но и все поэты, начиная, вероятно, от древнегреческих Девяти Лириков (VII-VI век до н.э.)! Стихи одного из них, Анакреонта, даже переводил лично Пушкин: «Узнают коней ретивых по их

выжженным таврам/А любовников счастливых узнаю по их глазам/В них сияет пламень томный-/ Наслаждений знак нескромный». Для «до нашей эры» -совсем неплохо! Но и сам

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837) был великим поэтом Любви:

**Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.**

Эти стихи передают тончайшие оттенки всепоглощающей любви, которой поэт не хочет тревожить нежную душу возлюбленной (по-видимому, Анны Олениной; поэт в юности ухаживал за Анной и даже делал ей предложение, но, похоже, получил отказ; в его неиспользованных черновиках к «Онегину», фигурирует девица Annette Olenine, впрочем, как весьма неоднозначный персонаж: *«Уж так жеманна, так мала / Что поневоле каждый гость / Предполагал в ней ум и злость»*). Тем не менее, все это не помешало гению создать маленький шедевр: волнующая эмоциональность содержания, музыкальность языка, композиционная завершенность. Хотя два знаменитых композитора - А. Алябьев (песни «Вечерний звон», «Соловей мой») и А. Даргомыжский (оперы «Каменный гость», «Русалка») - написали музыку к этим стихам, но «закрепилась» за ними более поздняя музыка композитора-любителя Б.С. Шереметьева.

*****

Федор Тютчев (1803-1877) в зрелом возрасте имел высокий чин действительного статского советника, был назначен председателем Комитета иностранной цензуры. Как видно по датам, Федор Иванович был современником Пушкина, хотя он был гораздо менее популярным среди «массового читателя». Тютчев мало публиковал свои стихи и, похоже, мало заботился о своей поэтической известности. Впервые поэзия Тютчева обратила на себя внимание лишь после публикации ряда его стихов в пушкинском «Современнике» (1836-1837 гг.) и статьи Некрасова в «Современнике» (1850 г.), а также выхода первого сборника его стихов, выпущенного в 1854 г. Тургеневым. Так что к концу XIX века, уже после не только ранней смерти Пушкина, но и после смерти Тютчева, литературоведение признало Тютчева выдающимся русским поэтом. Конечно, поэтическая образность Тютчева и Пушкина имеет большие различия: Пушкин рисует человека, живущего реальной, даже будничной жизнью, Тютчев — человека вне будней, вне реальности, как бы впитывающего в себя красоту и таинственность природы и жизни. Стихи «Я вас любил» (как и дюжина других) - посвящены Елене Денисьевой, по мнению ее современников, редкостной красавице и умнице. Её внебрачные отношения с Ф.И. Тютчевым продолжались в течение 14 лет, у них родилось трое детей.

**О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба охватила тень,
Лишь там, на западе сиянье, -**

Помедли, помедли, вечерний день,
 Продлись, продлись очарованье.
 Пускай скудеет в жилах кровь,
 Но в сердце не скудеет нежность...
 О ты, последняя любовь!
 Ты и блаженство и безнадежность.

*****

Лирическая поэзия **Александра Блока** (1873-1928) в сознании читателей всегда будет неразрывно связана со знаменитой «Прекрасной Дамой» (отрывок):

И медленно, пройдя меж пьяными,
 Всегда без спутников, одна
 Дыша духами и туманами,
 Она садится у окна.
 И странной близостью закованный,
 Смотрю за темную вуаль,
 И вижу берег очарованный
 И очарованную даль.

В стихах этого цикла поэт обожествлял любовь, а его лирический герой влюблен не в реальную женщину, а в некий идеальный образ (навеянный, впрочем, его реальной невестой, а потом и женой Любой Менделеевой, дочерью великого химика). Но были у Блока и другие «поэтические циклы»; один из них - цикл «Кармен», посвященный оперной певице Л.А. Дельмас, который написан целиком под впечатлением от блистательного исполнения ею роли Кармен в одноименной опере Бизе. Любовь лирического героя в этом цикле стихов приобретает жгучий оттенок страсти. Приведенное ниже стихотворение относится именно к циклу «Кармен»:

Под ветром холодные плечи твои обнимать так отрадно:
 Ты думаешь - нежная ласка, я знаю - восторг мятежа!
 И теплятся очи, как свечи ночные, и слушаю жадно -
 Шевелится страшная сказка, и звездная дышит межа...
 О, в этот сияющий вечер ты будешь все также прекрасна,
 И, верная темному раю, ты будешь мне светлой звездой!
 Я знаю, что холоден ветер, я верю, что осень бесстрашна!
 Но в темном плаще не узнают, что ты пиновала со мной!
 И мчимся в осенние дали, и слушаем дальние трубы,
 И мерим ночные дороги, холодные выси мои...
 Часы торжества миновали - мои опьяненные губы
 Целуют в предсмертной тревоге горячие губы твои.

*****

Любовная лирика **Бориса Пастернака** (1890-1960) посвящена, в основном, его любимой женщине и музе Ольге Ивинской, работавшей в редакции «Нового мира» и послужившей прототипом Лары из «Доктора Живаго». Женщина нелегкой судьбы и большого мужества: НКВД-КГБ неоднократно оказывали давление на Пастернака через Ивинскую — она была дважды арестована: в 1949 г. (5 лет лагерей, отсидела 4, спасла смерть Сталина) и в 1960 г. (8 лет лагерей, отсидела 5, спасло свержение Хрущева). Пастернак считал, что постижение смысла любви равносильно разгадке смысла бытия. В статье «Охранная грамота» Б. Пастернак писал: «Движенье, приводящее к зачатию, есть самое чистое из всего, что знает вселенная... Только искусство, твердя на протяжении веков о любви, не поступает в распоряжение

инстинкта для пополнения средств, затрудняющих чувство». (Ниже – отрывки из его лирики):

Мело, мело по всей земле,
 Во все пределы,
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.
 На озаренный потолок
 Ложились тени,
 Скрещенья рук, скрещенья ног,
 Судьбы скрещенья.
 И падали два башмачка
 Со стуком на пол,
 И воск слезами с ночника
 На платье капал.
 На свечку дуло из угла,
 И жар соблазна
 Вздымал, как ангел, два крыла
 Крестообразно.
 И всё терялось в снежной мгле,
 Седой и белой.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.

**

Снег на ресницах влажен,
 В твоих глазах тоска,
 И весь твой облик сложен
 Из одного куска.
 Как будто бы железом,
 Обмокнутым в сурьму,
 Тебя вели нарезом
 По сердцу моему,
 И оттого двоится
 Вся эта ночь в снегу,
 И провести границы
 Меж нас я не могу.

*****

Евгений Евтушенко (1932-2017) был кумиром поколения «шестидесятников» прошлого века, невероятно талантливый и харизматичный, зачастую импульсивный, нередко откровенно провокативный. Он писал удивительно просто и емко — его поэзия легко ложится на слух и легко запоминается. Он был очень разный, был одновременно и гоним, и обласкан властью. Он не писал «как все», он писал – как никто! Вот и о любви он написал – «как никто»:

Случайные связи-
 Они порицаются, став
 Синонимом грязи
 У грязной молвы на устах.
 Упреки в разврате -
 Они по-судейски грозны,
 Как будто в растрате
 Священной семейной казны.
 Пусть лучше запомнят:
 Развратнее нет ничего

Спать с мужем законным,
 Когда ты не любишь его.
 Но разве развратен
 Тот случай совсем не слепой,
 Что так безвозвратен
 И все-таки вечно с тобой? –
 В метро, в электричке,
 В толпе, тебя взявшей в кольцо,
 Среди обезлички
 Вдруг выплывает чье-то лицо.
 И жизнь без нажима,
 Лишь горло сжимая тебе,
 Вдруг неудержимо
 Вас бросит друг к другу в толпе.
 И разве случайна
 Такая случайная связь,
 Которая тайно
 Мерцает, всю жизнь тебе снясь?...

*****

Александр Галич (1918-1977) – поэт, драматург, бард, диссидент, непримиримый враг раковой опухоли, которая называлась «советская власть». Отличие Галича - в редкостной смеси высокой художественности и жесткой политической направленности его стихов-песен. Тему любви Галич раскрыл также как бы «через политику», но, Б-г ты мой, как же пронзают душу эти стихи!...

Она вещи собрала, сказала тоненько:
 «А что ты Тоньку полюбил, так бог с ней с Тонькою!
 Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
 А что у папы у её топтун под окнами,
 А что у папы у её дача в Павшине,
 А что у папы холуи с секретаршами,
 А что у папы у её пайки цековские
 И по праздникам кино с Целиковскою!
 А что Тонька-то твоя сильно страшная,
 Ты не слушай меня, я – вчерашняя.
 И с доской ты будешь спать со стиральною
 За машину за его персональную...».
 ...Я живу теперь в доме - чаша полная.
 Даже брюки у меня - и те на молнии,
 А вина у нас в доме - как из кладезя,
 А сортир у нас в доме - восемь на десять.
 А папаша приезжает сам к полуночи,
 Топтуны да холуи - все по струночке!
 Я папаше подношу двести граммчиков,
 Сообщаю анекдот про абрамчиков.
 А как спать ложусь в кровать с дурой с Тонькою,
 Вспоминаю той, другой, голос тоненький,
 Ух, характер у неё - прямо бешеный,
 Я звоню ей, а она трубку вешает...
 - Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
 В Останкино, где «Титан»-кино,
 Там работает она билетёршею,

На дверях стоит вся замёрзшая,
 Вся замёрзшая, вся продрогшая,
 Но любовь свою превозмогшая,
 Вся иззябшая, вся простывшая,
 Но не предавшая и не простившая!

*****

Юнна Мориц (род. в 1937 г.) - поэтесса огромного таланта. С. Никитин и В. Берковский написали музыку к ее стихам («Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли», «Хорошо быть молодым», «Не бывает напрасным прекрасное» и др.), и эти песни сразу стали популярными. А цитируемые ниже ее чудесные стихи – это очень женский взгляд на любовь!

Уеду, уеду, уеду
 В далекую южную степь,
 Где мчатся собаки по следу,
 Сплетенному в узкую цепь.
 Там хищные птицы кочуют,
 И зной не жалеет лица,
 И, запах собачий почуяв,
 Там заячьи рвутся сердца.
 Костры я раскладывать буду,
 Охотникам ужин варить,
 И я навсегда позабуду,
 Как надо с тобой говорить.
 Я буду усталая падать,
 Но слышать, что ветры гудят.
 Пусть небо, и горы, и пади
 Меня от тебя оградят!
 Я стану угадывать зверя
 По травам, растоптанным зло.
 Мне смелые люди доверят
 Однажды свое ремесло.
 И коршуна влажное тело
 Повиснет на ленте ремня.
 Уеду! Какое мне дело,
 Как ты проживешь без меня.

*****

Владимир Высоцкий (1938-1980) — феномен семидесятых годов прошлого века, его творчество самобытно и многогранно, усиленное стократно его внутренней энергетикой, по мощности равной, наверное, целой АЭС! Высоцкий — это человек-легенда, борец за честь и достоинство человека. Он не умел молчать, лгать, пресмыкаться, он сгорел ради нас. Язык песен Высоцкого некоторым кажется упрощенно-примитивным, но это не так. Высоцкий – талантливейший поэт, даже если читать его тексты «про себя», без его завораживающего голоса. Вот вам пример его песни не «на злобу дня», а песни «на вечную тему» - о любви:

Когда вода Всемирного потопа
 вернулась вновь в границы берегов,
 из пены уходящего потока
 на сушу тихо выбралась Любовь
 и растворилась в воздухе до срока,
 а срока было - сорок сороков.

и чудачки - еще такие есть -
 вдыхают полной грудью эту смесь
 и ни наград не ждут, ни наказанья.
 И, думая, что дышат просто так,
 они внезапно попадают в такт
 такого же неровного дыханья.
 Но вспять безумцев не поворотить!
 Они уже согласны заплатить
 любой ценой - и жизнью бы рискнули, -
 чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
 волшебную невидимую нить,
 которую меж ними протянули.
 Их голосам - всегда сливаться в такт,
 и душам их дано бродить в цветах,
 и вечностью дышать в одно дыханье,
 и встретиться - со вздохом на устах -
 на хрупких переправах и мостах,
 на узких перекрестках мирозданья.
 *****

Как все же прекрасно, что у нас есть песни на стихи Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Галича, Ю. Мориц, Д. Сухарева (см. ниже), других прекрасных поэтов – иначе всем нам пришлось бы вечно слушать, а то и самим распевать так наз. «песни» типа «*Ты целуй меня везде / Я ведь взрослая уже*» (из текстов группы «Руки вверх»).

*****

Дмитрий Сухарев, родился в 1930 г. (87 лет!), он доктор биол. наук, профессор МГУ, талантливый поэт, на стихи которого писали музыку С. Никитин и В. Берковский (например, популярные «Брич-Мула» и «Александра»).

Люби меня, целуй меня в тоске
 за то, что мир висит на волоске,
 за то, что мир, тобою населенный,
 так сладостен и так необъясним,
 что каждый раз робею перед ним,
 как в первый раз теряется влюбленный.
 Люблю тебя - и чушь твою и суть,
 шепчу тебе одно и то же: будь!
 О, будь со мной, мне ничего не надо, -
 не мне ль удача выпала во всем?
 Люби меня, и мы себя спасем,
 не уводи блуждающего взгляда.
 Сезон удачи кончится скорей,
 чем грянет залп, пугая сизарей,
 и в шуме крыльев брызнет кровь на сцену.
 За то, что жизнь висит на волоске,
 прижмись ко мне, расслышь меня в тоске,
 не дай беде прийти любви на смену!

*****

Что ж, как сказал Генрих Гейне: «Если в нас живет любовь, мы вечные».